

Марианна Боровинская 5 курс (фортепианного отделения) РГК им. С.В. Рахманинова

Из воспоминаний дочери Ильи Боровинского – Надежды Боровинской

Рассказ «Воспоминание об отце»

Выйдя на пенсию, мой отец увлёкся садово-огородом. Рядом с нашим двухэтажным домом, в котором до войны жили иностранные специалисты, приехавшие возводить Ростсельмаш, пустовала земля. Её поделили между жильцами 16-ти квартирного дома. Нашей семье досталась узкая полоска глинистой земли. Огород, на котором сначала сажали овощи - помидоры, лук, морковь, укроп, петрушку и редиску - со временем превратился в сад, в котором выросли абрикоса (жердёла), вишни, черешни, малина и виноград. И всё это благодаря многолетнему упорному труду моих родителей. Отец всегда любил землю, читал специальную литературу о растениях, размышлял о том, как вырастить хороший урожай на минимальной площади. Думаю, что, если бы жизнь не забросила его в милицию, он мог бы получить мирную профессию агронома и работать на земле, не жалея сил. Однако судьба распорядилась иначе.

Илья Дмитриевич был первенцем в многодетной семье железнодорожного рабочего. Окончив реальное училище, он вынужден был помогать своему отцу в работе на железной дороге. Но мечтал он совершенно о другом. Моему отцу очень нравилась профессия педагога русского языка и литературы и поэтому он стремился продолжить своё образование в институте. Забегая вперёд, скажу, что ему удалось-таки в 1932г. поступить в педагогический институт и проучиться там один полный курс.

Илья Дмитриевич был первенцем в многодетной семье железнодорожного рабочего. Окончив реальное училище, он вынужден был помогать своему отцу в работе на железной дороге. Но мечтал он совершенно о другом. Моему отцу очень нравилась профессия педагога русского языка и литературы и поэтому он стремился продолжить своё образование в институте. Забегая вперёд, скажу, что ему удалось-таки в 1932г. поступить в педагогический институт и проучиться там один полный курс.

Время его отрочества, юности и молодости было очень трудным. Достаточно вспомнить основные события первой четверти XX века – первую мировую и гражданскую войны, приведшие к упадку и разрухе хозяйство страны, а простым людям принесшие обнищание, голод и болезни. Работать в депо Илья начал, едва ему исполнилось 12 лет. Моему деду Дмитрию каким-то образом удалось изменить дату рождения сына, благо Илья был хорошо развит физически и мог сойти за 14-ти летнего юношу. Официально он стал работать с июня 1918г. котельщиком на доках по ремонту судов; с мая 1919г. – рабочим службы пути Екатерининской железной дороги. С января 1920г. по август 1922г. служил в армии и участвовал в боях красноармейцем на врангелевском фронте. В 20-е годы отец перенёс два вида тифа - брюшной и сыпной,

следовавшие один за другим без перерыва. «Не знаю, как я выжил, ведь нужных лекарств не было» - не раз говорил он, вспоминая это страшное время. Едва оправившись от болезни, исхудавший до неузнаваемости, с ввалившимися глазами, он стал искать работу. Вернуться на старое место не было физических сил. В семье было голодно. Илья Дмитриевич принял компромиссное решение – пойти на службу в милицию на какое-то время, пока «организм не окрепнет». В 1923г. он становится милиционером 5-го отделения милиции. Работу в милиции он, по молодости лет, считал ненадёжной. «Если переловят всех воров, грабителей и бандитов, что же я буду делать? Я останусь без работы» - частенько думал он в 20-е годы. Эти мысли только усиливали желание учиться и получить, в конце концов, любимую профессию. Тщетные надежды. В 1925г. он становится курсантом Новочеркасской средней школы милиции, окончив которую в 1927г., работает оперуполномоченным 3-го отделения милиции г. Ростова-на-Дону. С августа 1928г. он становится членом ВКПБ, с этого же времени начинается его карьерный рост: помнач. 4-го отделения милиции, с 1931г. инспектор Андреевского районного отделения милиции, с 1932г. – помнач. 2-го отделения, с 1933г. – инспектор паспортного отдела краевого управления милиции, с 1934г. – начальник паспортного стола 4-го отделения милиции, с 1936г. – помнач. 4-го отделения милиции, с 1938г. – начальник 4-го отделения милиции, с 1939г. – замначальника 6-го отделения милиции, с 1942г. – начальник 7-го отделения милиции, с 1945г. – начальник паспортного стола 7-го отделения милиции, с 1947г. по 1954г.г. – замнач 6-го отделения милиции. Ему пришлось пройти жизненный путь от простого милиционера до начальника отделения, работать в милиции до пенсии и пережить столько, что другим близким людям он такого не пожелал. Увлеченная его интересными рассказами о работе в милиции, я не раз говорила, что хотела бы тоже там работать. «Ты могла бы работать в детской комнате с подростками. Ловить воров и бандитов, допрашивать их – грубая работа, не для девочки», - всегда останавливал он меня.

Как и все мужчины, оставшиеся в живых после войны, отец любил общаться. Около дома стоял стол, рядом - две скамейки со спинками. По вечерам они превращались в «мужской клуб» на свежем воздухе. В 50-70-х годах XX века принято было говорить о политике, о событиях в мире, о жизни и работе. Общение принимало игровые формы, когда набиралось не менее четырёх человек. Домино объединяло, вызывало различные эмоции. Играя с детьми во дворе, почти рядом с «мужским клубом», я не раз наблюдала ритуал окончания игры. Победители громко и насмешливо произносили что-то вроде: «Эх вы, мазины!» - и продолжали сидеть на своих местах, а проигравшие молча вставали и уступали место желающим сразиться с парой победителей. Игра захватывала мужчин, им не хватало светового дня, приходилось тянуть электропроводку из квартиры, включать электрическую лампочку, чтобы потом половину ночи стучать костяшками домино. Играли почти все мужчины нашего дома, но я не помню, чтобы кто-нибудь из соседей распивал спиртное, сидя за столом, или непристойно выражался. Мой отец никогда не позволял себе ничего подобного ни на улице, ни дома. А когда сосед-выпивоха, пришедший в наш дом в 60-е годы, попытался перечеркнуть его жизнь из-за работы в органах, отец заставил себя уважать через товарищеский суд. Спустя годы, я понимаю, что личность отца в определённой степени поддерживала моральную чистоту той атмосферы, в которой росли все дети нашего двора.

Как-то раз я поинтересовалась, почему он не закончил пединститут. Он грустно улыбнулся и сказал: «Ну, знаешь, это сейчас такое время, когда учёба в ВУЗе поощряется, а тогда надо было работать. Когда я был на втором курсе, меня на полгода послали в командировку в Чечню, потом через какое-то время была ещё одна командировка туда же на три месяца. В институте я всё запустил, пришлось его оставить».

Об этом периоде жизни он рассказывал мало и неохотно. В моей памяти живёт один из его рассказов, относящихся к этому времени. Местное население горного аула, куда отец и другие члены группы приехали в командировку, встретило всех настороженно и, мягко говоря, неприветливо. Спустя несколько дней, отношение к нему вдруг изменилось коренным образом. При встрече люди стали почтительно кланяться. Отец не мог понять, что, собственно говоря, случилось. Он пригласил к себе одного старика-чеченца и попросил объяснить поведение жителей аула. Помолчав немного, тот сказал: «Ты ходишь, не оглядываясь назад; наши собаки тебя не трогают». Отец удивился: «Ну и что?» - «А это значит, что ты - смелый и честный человек, тебе нечего скрывать; по законам гор убивают тех, кто трусливо оглядывается на каждый шорох за спиной. А почему тебя не трогают наши псы? Может ты знаешь какое-то заветное слово или умеешь колдовать?» ...Надо сказать, что отец был блестящим рассказчиком, он очень артистично передавал события в лицах. Сила эмоционального воздействия его рассказов на окружающих была столь велика, что по мастерству изложения его устные рассказы можно было поставить в один ряд с устными рассказами известного Ираклия Андроникова. (К сожалению, он не написал ни одной строчки). На лице отец изображал такое недоумение, потом изумление, что удержаться от смеха было просто невозможно. В самом деле, как он, будучи марксистом, атеистом, милиционером, стал вдруг колдуном. Как такое могло случиться?

И всё же собаки его не трогали ни в горном ауле, ни в Ростове. Он очень любил собак и умело с ними обращался. У отца был необыкновенный тембр голоса – бас, богатый обертонами, звучный и сильный в одних ситуациях, тёплый и мягкий – в других. Я не раз наблюдала, как он «укрошал» псов. Отец протягивал руку к незнакомой собаке, как будто хотел её погладить, и начинал разговор таким тоном, словно перед ним стоял близкий ему человек.

«Зачем же ты так нервничаешь, ты же очень хорошая, умная собачка, ты – самая замечательная на свете собаценья!» А голос его ворковал, обволакивал и успокаивал животное. Собака внимательно смотрела на него, слушала всё, что ей говорилось, а потом выполняла его команду: «Иди ко мне, я тебя поглажу!» Он никогда не думал о том, что незнакомый пёс может укусить.

Точно также никогда он не думал о том, что его могут убить бандиты. Совершить нападение, когда он поздно ночью возвращался с работы, да, это могут. Но убить – ни за что. «Кишка тонка!» – любимое его выражение. Он ходил пешком по середине освещенного проспекта Сельмаш в два часа ночи точно так же, как ранее в Чечне по горной дороге, не оглядываясь. Он знал, что успеет заметить нападающих и вытащить

табельное оружие. Ну а физической силы и ловкости ему было не занимать. Он окончил школу милиции и очень хорошо владел приёмами самообороны. Однажды, когда отец был уже на пенсии и сидел в «мужском клубе», мимо нашего дома проходил бывший зэк, ещё до войны фигурировавший у него в каком-то деле. Много лет утекло с тех пор, но зэк узнал отца, подошёл к нему и...признался: «А знаешь, начальник, было время, когда я очень хотел тебя убить; достал пистолет и три ночи сидел в засаде. Ты тогда часто ходил по сельмашевскому проспекту». – «Ну и что же тебе помешало?» - спросил отец. «Я боялся промахнуться; если бы я не попал, ты бы побежал за мной и непременно догнал, что бы ты со мной сделал?» (Зек волочил ногу и не мог бегать быстро).

С детства я знала совершенно чётко, чего нельзя делать в этой жизни, чего не стоит делать и почему. Нельзя, уходя из квартиры, оставлять форточку открытой, потому что через неё может залезть домовый кот, а его поймать очень трудно, почти невозможно, так как он – одиночка. Гораздо легче задержать преступную группу. Нельзя знакомиться в транспорте, а если познакомишься, ни в коем случае нельзя сближаться с человеком, приглашать в дом, так как незнакомец может оказаться аферистом. Сколько несчастных обманутых женщин осталось в трудные послевоенные годы в обчищенных до нитки квартирах из-за брачных аферистов. Доверчивые женщины часто не знали даже фамилии своего гражданского мужа. Нельзя всем вместе уходить из квартиры в одном направлении, так как за квартирой могут следить с целью ограбления. Лет с 12 я знаю некоторые убойные приёмы самообороны, которыми, слава Богу, мне не пришлось воспользоваться в жизни и надеюсь, что не придётся. Не стоит выходить замуж за пьяницу или наркомана – наплачешься вдоволь, лучше жить одной.

Отец вспоминал 1937год, как один из самых страшных в его жизни. Прошли массовые аресты руководящих работников милиции, никто не понимал, за что убирают людей. Он ждал своего часа, сидя в рабочем кабинете. В 1938г. на собрании работников отделения милиции было зачитано присланное из центра письмо о перегибах в деятельности руководителей НКВД. Когда из мест не столь отдалённых вернулся бывший начальник милиции, хороший знакомый, отец не удержался и спросил у него: «За что тебя арестовали?» Тот ответил: «Не знаю. Поверишь, просидел полгода, а обвинения так и не предъявили».

Работать в милиции всегда было трудно, но после войны, когда нужно было восстанавливать Ростсельмаш, люди не щадили последних сил. Отец стал начальником 7-го отделения милиции (Сталинского района), теперь Первомайского. Он спал не более 3-х часов в сутки. По ночам проверял милицейские посты, объезжая их на линейке, запряжённой одной лошадкой. (Когда мне было года 3 – 4, он как-то раз взял меня с собой покататься. Эта поездка – одно из самых ярких впечатлений детства. Когда меня спрашивали потом, кем я буду работать, я без промедления отвечала: «Кучером!»)

И вот надо же было ему проезжать мимо завода в тот самый момент, когда выехала машина директора Ростсельмаша с бочкой дефицитнейшей в то время краски. (Директора на машине, естественно, не было.) Машину задержали, возбудили дело по факту воровства общественной собственности. Директор завода не пострадал. Однако

отец выступил на партийной конференции с докладом, в котором красной нитью проводилась мысль о том, что перед законом – все равны, что руководителю так же нельзя красть, как и простому смертному. И в качестве примера привёл всё выше сказанное. Реакция руководящих партийных работников на выступление отца была, мягко говоря, странной. К нему подошёл один из них и сказал: «Ну, Илья Дмитриевич, спел ты себе панихиду. За такое выступление тебя непременно снимут. Жди!» И действительно, вскоре его понизили в должности – из начальника отделения милиции он превратился в начальника паспортного стола. Трудно сказать, о чём он постоянно думал в это время опалы и несправедливости, но в доме, когда он вспоминал этот случай, постоянно звучал вопрос: «Я что, должен был молчать? Да кому нужен такой трусливый начальник милиции?!» Прошло какое-то время, из Москвы приехала комиссия с проверкой работы ростовского отделения НКВД, которая отметила неправомерные действия в отстранении отца от работы и обязала в трёхдневный срок восстановить его в прежней должности. Ему предложили возглавить отделение милиции на Каменке, поскольку его прежнее место работы было занято. Он сказал, что будет работать либо в своём районе, либо в соседнем. Несколько лет до пенсии он проработал заместителем начальника милиции Пролетарского района. Потом у него случился инфаркт. Отец долго болел, но выстоял, и никогда больше не работал в милиции, однако на пенсии он являлся членом совета общественности при детской комнате отдела милиции Пролетарского райисполкома с правом проведения общественных мероприятий по ликвидации детской безнадзорности. (Сохранились справки, датированные 1961г.)

Майор милиции Илья Дмитриевич Боровинский – заслуженный человек. У меня хранится свидетельство о том, что он участвовал в работах по восстановлению и благоустройству города, датированное 1944г. Его именные часы с надписью «За восстановление Ростсельмаша» хранятся в Музее милиции. Эпизод из его жизни, когда он предупредил подчинённых об опасности, описан в книге «Будни отважных», вышедшей в 1969г. Я храню его орден Ленина и два ордена Красного знамени, его медали «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», юбилейную медаль «50 лет Советской милиции». Он, как и многие другие люди его поколения, вошел в историю нашего города. В нашем районе он пользовался большой известностью в 40-х – 50-х годах. Завидный рост – 181 см., отсутствие ранений и контузий, а также понимание проблем женского населения в делах внеочередной прописки (будучи начальником паспортного стола, он собирал паспорта и обслуживал в первую очередь женщин – матерей) привели к бешеной популярности его имени; в районе его знали не только все люди, но и все собаки (так любила шутить моя мама). На пенсии отец неоднократно возвращался к эпизодам своей насыщенной жизни и, переоценивая многое, всегда говорил мне: «Тебе не нужно жить так, как жил я, ты так не сможешь».

Воинское звание майор милиции. ОРДЕН КРАСНОГО ЗНАМЕНИ МЕДАЛЬ " ЗА ПОБЕДУ НАД ГЕРМАНИЕЙ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941-1945" ОРДЕН ЛЕНИНА МЕДАЛЬ " ЗА ОБОРОНУ КАВКАЗА" ЮБИЛЕЙНАЯ МЕДАЛЬ " 50 ЛЕТ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ.

